

В.Н. ТАРАСЕВИЧ, д.э.н, профессор,
 Национальная металлургическая академия Украины,
 г. Днепрпетровск, Украина
v_tarasevich@list.ru

ГОСУДАРСТВО: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И КАЧЕСТВЕННЫЕ ПРИЗНАКИ

Представлена трактовка государства как результата эволюции универсальных образований до цивилизационного уровня, особым образом организованного общества, системы собственно институтов и организаций, призванных упорядочивать его жизнедеятельность. Выделены качественные признаки государства, в том числе, редистрибуция, монополизация собственно институтов и насилия, власть-собственность, особый характер экономической субъективации, конфликт общественного и кланово-корпоративного начал.

Ключевые слова: институциональная теория, институты, государство, гражданское общество, власть-собственность.

Репрезентовано визначення держави як результату еволюції універсальних утворень до цивілізаційного рівня, особливим чином організованого суспільства, системи власне інститутів та організацій, що покликані упорядковувати його життєдіяльність. Виокремлено якісні ознаки держави, в тому числі, редистрибуція, монополізація власне інститутів й насильства, влада-власність, особливий характер економічної суб'єктиватії, конфлікт суспільного та кланово-корпоративного початків.

Ключові слова: держава, громадянське суспільство, влада-власність.

V.N. Tarasevich

The State: Origin and Qualitative Characteristics

The article interprets the state as a result of the universe formations' evolution to civilizing level, specifically organized society, the system of institutions and organizations proper, designed to organize their life activity. Unlike the state, the civil society is an adequate sphere of non-governmental life activity of its citizens.

In the most general sense the reasons for the state origin were the expansion and complication of socio-political, economic, spiritual and institutional activities, as well as pre-state universe formations to civilizing level. An enhanced passionarity of the leading ethnic group, as well as favorable natural and climatic conditions played a significant role in the formation of the first ancient Eastern states

In accordance with the universe approach the qualitative characteristics of the ancient Eastern state are immanent to all areas of its activity: economic, political, social and spiritual. The most significant of

these features are: power-property as a system of interrelated and "fighting" for the dominance components: individual, personal, private, clan and corporate; redistribution in a broad sense, not tribal, ethnic but administrative and territorial principle of organization; monopolization of lawmaking and violence; institutional fixation of social stratification and inequality; sacralization of the ruler; approval of the state religion (ideology) and language; setting and protection of institutional boundaries of public education; the formation of the institutions of creation and transformation of institutions; the implementation of key economic functions in connection with the growth of complicated cooperation

The "bearing structure" of this system is power and property. In this context the following hypothesis requires consideration and check: if the conception and birth of the state happens under the domination of power and property, the translation and consolidation of some unos in the state unotype, qualities of power and property are quite likely. In other words, the power and property reports to the state possess not only specific oriental, but also general qualities, those invariants, which are immanent to any state, regardless of place and time of its existence.

Keywords: government, civil society, power, property

Новейший мировой экономический кризис катализировал государственную активность, в том числе, ее новые формы, методы, инструменты, и тем самым в который раз обозначил некорректность ортодоксальной идеологемы императивности ухода государства из экономики. Как оказалось, даже в эпоху глобализации государство вовсе не собирается покидать экономическую сцену, а, напротив, претендует на одну из ведущих партий. На мой взгляд, истоки «живучести» государства в разных исторических «передрягах» следует искать не только в сегодняшних буднях, но и в истории, в эпохе его рождения и становления.

Момент рождения государства трудноуловим в силу не только причин онтологических, – неизбежной сокрытости прошлого для современных исследователей, но и гносеологической контекстуальности: в разных контекстах сущность государства, его признаки, при-

© В.Н. Тарасевич, 2014

<http://www.elibrary.ru/issues.asp?id=37579>

<http://www.instud.net>, <http://www.nbu.gov.ua/>

чины возникновения и другие характеристики «играют новыми гранями». Таким образом вместе с обогащением образа государства усложняется его определенность.

В самом деле. Будучи, к примеру, помещенным в социально-классовое «пространство», государство предстает как «орудие эксплуатации угнетенного класса» [1], частная собственность бюрократии [2]; для теоретиков права предпочтительна трактовка государства как воплощения права в обществе, для политологов, – как основной политической организации общества, осуществляющей управление им, охрану его экономической и социальной структуры; приверженцы институционализма видят в государстве, прежде всего, совокупность и/или систему формальных институтов и соответствующих механизмов информента. Философы и историки чаще акцентируют внимание на нескольких взаимосвязанных содержательных характеристиках государства: политических, социальных, институциональных, управленческих. Разумеется, философы, экономисты, правоведы, политологи, социологи и историки в исследованиях государства не ограничиваются каким-либо одним контекстом. Напротив. Поэтому проблема сопряжения разных контекстуальных характеристик государства в едином «тексте» является не только меж-, но и внутридисциплинарной. Не является исключением и фундаментальная экономическая наука. Формируемый ею образ государства во многом зависит от избранного контекста, так сказать, ракурса рассмотрения соответствующей многогранной реальности, а также степени совершенства и соответствия интеграционных подходов, призванных обеспечивать получение и приращение упомянутого единого «текста».

Целью настоящей статьи является определение тех «родовых» характеристик государства, которые становятся «уловимыми» отчасти в его «утробном» состоянии, отчасти, – в процессе мучительного рождения, отчасти, – в «детские» годы, то есть как раз в тот период, когда изначальная синкретическая универсумность цунобров активно трансформируется в весьма сложную систему относительно обособленных элементов и процессов. Безусловно, государство, как один из таких элементов, является образованием универсумным и общественным. Но правомерно ли на этом основании отождествлять государство и цунобр, государство и общество?

Как известно, в философии и науке не принято ставить знак равенства между государ-

ством и цивилизацией: обычно государство помещают в ряду ключевых признаков, отличающих цивилизацию от дикости и варварства. В отношении отождествления государства и общества ситуация не столь однозначна. Для нас важны два аспекта такого отождествления. Во-первых, в условиях крайней восточной деспотии общество буквально «теряется» во всемогущем государстве и таким образом становится неотличимым от него. Однако, при ближайшем рассмотрении, обнаруживается мнимый характер такого тождества. Крайняя деспотия относительно недолговечна, и за ее пределами различие государства и общества столь зримо, что требует объяснений. Да и ассимиляция деспотическим государством восточного общества не снимает, а обостряет, актуализирует вопрос о существовании столь могущественного Левиафана.

Во-вторых, начиная с Аристотеля, и вплоть до начала XIX века, понятия «государство» и «гражданское общество» воспринимались, толковались и использовались в неразрывном единстве. Так, в трудах Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо акцентируется их взаимосвязь, сходство, а не различие. Гегель, с одной стороны, признает правомерность отождествления понятий «государство» и «гражданское общество», но только в том случае, если под государством понимается единство лиц как простой общности, а не «субстанциального единства», сравнимого с органическим телом. С другой стороны, по Гегелю, гражданское общество отличается от сущности государства, как высшей идеи, тем, что в этом обществе еще не сложилось внутреннее органическое единство, оно еще раздирается противоположными интересами частных лиц и социальных групп. В изданных после смерти Гегеля конспектах его лекций гражданское общество определяется как «дифференциация», выступающая между семьей и государством, причем развитие гражданского общества начинается только после появления государства [3]. В современных исследованиях, как правило, акцентируются различия государства и гражданского общества. Например, последнее определяется, как форма горизонтальной интеграции человеческого сообщества, внесоциальная сфера жизнедеятельности социума, сфера всеобщей взаимозависимости и т.д. Но практически все авторы следуют заданному в Новое время стандарту «европоцентризма», – гражданское общество получает исключительно западноевропейскую «прописку». Публикации о гражданском обществе на Древнем Востоке являются чуть ли не исключением

из правил [4].

Тематика статьи «подсказывает» следующую линию отнюдь не сложных рассуждений. Если принять во внимание «вездесущность» государства, то есть его историческое присутствие и на Западе, и на Востоке, а также признаваемую практически всеми исследователями взаимообусловленность государства и гражданского общества, то, по меньшей мере, нелогично отказывать в праве на существование восточному гражданскому обществу. Если на определенном этапе эволюции какого-либо восточного уюбра его избранные историей представители образуют государство и таким образом становятся гражданами, то вследствие этого их жизнедеятельность отнюдь не исчерпывается государственными обязанностями и правами и не ограничивается рамками государства, даже если оно суть деспотический монстр. Адекватной сферой негосударственной жизнедеятельности граждан государства является гражданское общество. Оно представляет лишь *часть* общественного организма цивилизации, в котором взаимодействуют, в частности, граждане и не граждане. В данном случае речь идет не о формальном статусе, а о степени реальной вовлеченности в государственные дела. Как это ни покажется парадоксальным, но большая степень такой вовлеченности может катализировать большую развитость внегосударственной общественной гражданственности. Разумеется, эта зависимость не безусловна и может по-разному проявляться в уюбрах с разными формами государственного правления и устройства, а также политическими режимами. Безусловна лишь историческая неразлучность государства и гражданского общества.

Представленные соображения о различиях общества, гражданского общества и государства являются пропедевтическими в том смысле, что очерчивают некую область поисков достоверности государства самому себе. Однако сокрытой остается содержательная определенность государства. Конечно, в известном смысле, она задана избранным исследовательским контекстом, – нужно изучать не государство вообще, а именно восточное государство и именно в «грудном» и «детском» возрасте с учетом предшествующей универсумной эволюции, обращая внимание на детеминированность его качественных признаков причинами его же рождения. Но эта заданность не производит впечатление навигатора, облегчающего выход из лабиринта.

В ряду обычно называемых причин воз-

никновения государства – искусственная концентрация населения и/или его резкий рост; завоевание или военное объединение территорий; ослабление или дискредитация власти в условиях сложных задач; решительное несоответствие старых способов управления новым важным задачам; гражданское противостояние; разного рода кризисы [5], – трудно найти явные изъяны, поскольку каждая из причин подтверждена историческим опытом. Правда, указанный ряд не может быть признан исчерпывающим не только в смысле отсутствия в нем иных *специфических* причин, например, необходимости подчинения социальных низов аристократическим верхам. Всякое особое и специфическое есть своеобразная эманация некоего общего и субстанционального. Нетрудно убедиться, что таковыми для перечисленных специфических причин являются экспансия и усложнение социально-политической, экономической и институциональной деятельности, а также универсумных образований до цивилизационного уровня. Указание на цивилизационный уровень уюбров принципиально важно, так как акцентирует необходимость фундаментализации и конкретизации анализа причин рождения и признаков древневосточного государства, ибо вышеперечисленные, в известном смысле, могут объяснить возникновение не только государства, но и властной группы племени или племенного союза (ПС).

Демографическое расширение ПС, ведущий этнос которого находится в восходящей фазе своего жизненного цикла, неизбежно сопровождается территориальной экспансией за пределы привычного месторазвития и столкновением с этнически и духовно чужими ПС, вождествами и племенами. Жизненно императивное объединение, добровольное и/или принудительное, в единое образование (условно говоря, в союз ПС и племен (СПСП)) десятков тысяч людей, большинство которых принадлежит к этнически неродственным ПС и племенам, освоение новых громадных территорий (даже по меркам развитого ПС) с разнообразными, в том числе, непривычными природными условиями, а, следовательно, и способами добывания средств существования, не могло быть обеспечено исключительно стандартными институтами ПС.

Итак, доминирование этнической неоднородности при ведущей роли пассионарного «коренного» этноса, несоизмеримые с обычным ПС демографический состав, а также масштабы и разнообразие колонизируемых территорий являются этнодемографическими причинами

возникновения и признаками государственного универсального образования. В связи с этим принципиально важны, во-первых, государствообразующая роль повышенной пассионарности ведущего этноса, ибо именно его активность во многом обеспечивает становление и укрепление адекватной восточному государству суперэтнической системы, и, во-вторых, сопряженное усложнение, с одной стороны, территориального («горизонтального») строения государственного образования¹, а с другой, – «вертикальной» иерархии, в которой выделяются центральный, региональный и местный уровни.

В ответ на столь масштабные «внешние» вызовы и в силу логики эволюции и самоорганизации унобров соответствующим образом усложняется человеческая деятельность – политическая, социальная, духовная, институциональная, экономическая. Политическое упорядочивание новой крупной и преимущественно разнородной государствообразующей общности как единого целого, тотальности, является делом во сто крат более сложным, чем подобное упорядочивание ПС, а потому предполагает поиск и закрепление соответствующих подвидов и элементов политической деятельности. Какие из них наиболее характерны для раннего древневосточного государства? Во-первых, редистрибуция ключевых политических, социальных, институциональных, экономических «полномочий» – функций и обеспечивающих их выполнение механизмов: их концентрация на высшем уровне иерархии, расположенном, как правило, в городских поселениях как средоточиях искусственного опредмечивания, с последующим распределением. В последнем, и это, – во-вторых, следует различать, по крайней мере, два потока. Первый связан с невиданной в ПС специализацией и профессионализацией верхнего уровня властной иерархии, степень сложности которого призвана быть соразмерной степени сложности цунобра. Об этом, в частности, свидетельствует появление многочисленных «ведомств» – военного, полицейского, фискального, казначейского, хозяйственного, судебного и др., а также соответствующих должностных лиц

¹ Здесь и далее будем исходить из того, что государство является неотъемлемым атрибутом цунобра. Последнему предшествует государствообразующий унобр (общность), который (ая) становится цунобром в момент рождения государства. В границах цунобра могут сосуществовать и взаимодействовать несколько государственных образований.

(чиновников), которым делегировались вполне определенные полномочия. Второй поток предполагает передачу на региональный и местный уровень ряда определяемых центром полномочий. Процедуры их определения и передачи могут быть принудительными (их роль заметно возрастает), согласительными, смешанными, но в любом случае закрепляют жесткий контроль центра и регулярную отчетность перед центром. Контрольные функции отделяются от исполнительских.

В-третьих, с целью ослабления потенциала центробежности и повышения эффективности управления региональным и местным уровнем цунобра центр инициирует переход от «естественного», родового принципа деления цунобра к «искусственному», административно-территориальному. Как правило, степень доминирования последнего над первым пропорциональна степени государственной централизации восточных цунобров. В-четвертых, повышению управленческой роли центра служит и монополизация насилия, принуждения и наказания. Соответственно неотъемлемыми атрибутами государства становятся армия, в том числе, ее профессиональная составляющая, полицейские силы, суды и т.п. В-пятых, активное законотворчество и предпринимаемые попытки кодификации обычного права и систематизации законов диктуются не только стремлением к легитимации насилия, но и объединительными процессами: централизованное право и закон были призваны стать дополнительными политическими скрепами разнородного и аморфного цунобра.

Деятельность государства является собственно политической в той мере и постольку, поскольку оно представляет, выражает и защищает интересы не какой-либо социальной группы, сословия, а государственного образования, цунобра в целом. Речь идет об общественных интересах двух родов: 1) общих для всех образующих цунобр граждан и не граждан, социальных групп и слоев; 2) синергетических, которые выступают результатом взаимодействия интересов индивидуальных, групповых, сословных и общих. Совершенно очевидно, что такая собственно политическая деятельность отнюдь не была «альфой и омегой» древневосточного государства. Оно унаследовало от ВГ ПС весьма значительный социальный активизм. О чем идет речь? Восприняв арсенал социального упорядочивания ПС, государство решительно «продвинулось», по крайней мере, в трех направлениях: 1) законодательное закрепление социального неравенства, в том числе, особого

статуса и привилегий родовой аристократии, а также граждан; 2) определение социального положения, прав и обязанностей утвержденных и назначенцев; 3) легитимация и применение механизмов насилия по отношению не только к чужим и не гражданам, но и к своим. Хотя насилие по отношению к своим было более лояльным, избирательным, в ряде случаев предполагало согласительные процедуры, Рубикон был перейден. В социально-политической деятельности государства, направленной на сочетание общественных, групповых и индивидуальных интересов, стратегический приоритет был закреплен за интересами аристократическими и корпоративными групповыми, а также индивидуальными интересами правителя.

Такому закреплению подчиняются и усилия государства в духовной сфере. Не без его активного влияния, в том числе, на формирующуюся с его участием жреческую «вертикаль», сакрализация правителя (государя) достигает апогея: он провозглашается либо сыном главного Бога, либо самим Божеством², которое венчает иерархию центральных, региональных и местных божков и духов. Для социальных низов дело представляется таким образом, что подобие иерархии светской власти иерархии богов освящено самими богами как небесными начальниками. Конечно, нельзя игнорировать и объединительную, скрепляющую роль подобных религиозных реформ, как и проектов продвижения государственного языка и «титული» письменности. В обязательном порядке таковыми должны были владеть родовая знать и чиновники всех рангов. Обучение последних, а также воспитание родовитых отпрысков осуществлялось и контролировалось на высшем государственном уровне, что, несомненно, способствовало формированию «элитарной» культуры, отвечающей «элитарным» стандартам жизни в широком смысле.

В условиях протоинституционального усложнения и умножения разнообразия государствообразующего унобра, очередного исторического нарушения баланса между более разнообразными природными стандартами и новыми технологическими паттернами, с одной стороны, и наличными общественными институтами, – с другой, потребовались соответствующие сдвиги в институциональной деятельности. Прежде всего, речь идет о формировании иерархии политических, социальных, экономи-

ческих институтов, своеобразной моделью которой явилась иерархия богов³, а также оформлении внешних институциональных границ государственного образования или цунобра. Это было бы невозможно без опережающего творения соответствующих макро (центральных), мезо (региональных) и микро (местных) собственно институтов, активной трансформации протоинститутов, прежде всего, мезо и микро. В силу столь масштабного институционального творчества и вовлечения в него руководства всех уровней властной иерархии сам процесс создания собственно институтов и трансформации протоинститутов рано или поздно должен был быть упорядочен, институционализирован. Вместе с утверждением собственно институтов создания и трансформации институтов (например, порядка и процедур законодательства) указанное доминирование собственно институциональной деятельности в системе институциональной жизнедеятельности и собственно институтов над протоинститутами становится перманентным, а ее ключевым субъектом становится государство.

Обладая столь мощным неэкономическим потенциалом, государство не могло оставаться безучастным к экономическим причинам своего рождения и их последствиям. Будучи вызванным к жизни, в том числе, ростом масштабов усложненной простой кооперации, развитием усложненной кооперации усложненных простых, простых и простейших деятельностью – кооперативных образований в строительстве и эксплуатации ирригационных сооружений, земледелии, скотоводстве, ремесле, государство стало крупнейшим «хозяйственным» и управленцем. Речь идет не только о дворцовом хозяйстве, доходы от которого стали сопоставимы с объемами взимаемой ренты-налога, храмовом хозяйстве, но и обо всей «общинной экономике», военном деле, торговле. Государство стало достойным «преемником» ВГ ПС в изъятии и централизации львиной доли избыточного продукта и части необходимого продукта, прежде всего, в форме ренты-налога с общинников, ремесленников, торговцев, а также дани с населения покоренных земель. Разумеется, все это было бы невозможно, если бы государство не стало абсолютно доминирующим субъектом власти-собственности. Этот пункт требует специального рассмотрения, ибо диада, «связка»

² Соответствующим образом изменяются некоторые ритуалы, титулатура, церемониал и т.п. [5]

³ Впрочем, появление последней во многом обязано именно сознательной институциональной деятельности.

«власть-собственность – государство» (ВС-Г) является центром кристаллизации и эволюции первых восточных цивилизаций.

С одной стороны, с учетом результатов современных исследований стейтогенеза, в рассмотренных выше специфических качественных характеристиках древневосточного государства нетрудно выделить некоторые черты, которые являются общими для всех государств.

1) Очевидно, что государство – продукт универсальной эволюции, а потому – носитель ее генов, мемов и унов. 2) В связи с этим государство в широком смысле может быть представлено как либо особым образом организованное общество, либо гражданское общество.

3) В разных исследовательских контекстах и акцентах могут доминировать разные узкие смыслы государства. Так, в политико-социально-экономическом отношении государство – это особая организация, представляющая общество в целом, его потребности и интересы, в том числе, экономические, обеспечивающая согласование интересов разных социальных слоев (групп) и/или экономических субъектов, а также защищающая интересы, прежде всего, наиболее влиятельного социального слоя (группы) и/или экономического субъекта. С институциональных позиций государство является системой собственно институтов, призванных упорядочивать жизнедеятельность общества и его разных составляющих, а также формирование самих собственно институтов. В иных контекстах или ракурсах государство может трактоваться как особый орган власти и насилия; совокупность профессиональных политиков и управленцев, представляющих общество и его основные социальные слои (группы); основное политическое образование страны и т.д.

С другой стороны, в современной литературе доминирует взгляд на властно-собственнические отношения, как имманентные восточным и раннесредневековым европейским обществам и государствам, то есть, как специфические, особые, а не общие для всех государств. Но тогда эманацией какого общего является это специфическое?

Очевидно, поиск соотношения общего и особенного в диаде ВС-Г целесообразно продолжать, имея ввиду их дифференцированность, составность, а не синкретичность⁴. В

⁴ Подобно власти-собственности, государство, как интегративное образование, может быть адекватно понято только в результате исследований его разных составляющих и исторических форм.

частности, не лишена смысла следующая гипотеза: если зачатие и рождение государства происходит в условиях господства власти-собственности, то вполне вероятно изначальная трансляция и закрепление в унотипе государства некоторых унов, качеств власти-собственности. Иными словами, власть-собственность сообщает государству не только специфические восточные, но и общие качества, те инварианты, которые имманентны любому государству, независимо от места и времени его существования. Ее осмысление и проверка требует специальных исследований.

Литература

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – 2-е изд. – Т. 33. – С. 12.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 1. – С. 272.
3. Мартыненко В.В. Государство и гражданское общество – дихотомия или единство? // Вопросы философии. – 2011. – № 10. – С. 20-25.
4. Борзунов В.Ф. Восточное гражданское общество // Диалог и взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: альтернативы на XXI век: материалы к IV Международной Кондратьевской конференции. Москва, 15-16 мая 2001 г. / под ред. Ю.В. Яковца. – М.: МФК, 2001. – С. 102-109.
5. Гринин Л.Е. Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации (общий контекст социальной эволюции при образовании раннего государства) // Философия и общество. – 2002. – № 3. – С. 31, 54.

Статья поступила в редакцию 15.12.2013

